

14. *Энгельс, Ф.* Диалектика природы / Ф. Энгельс. — М.: Политиздат, 1982.  
15. *Эпштейн, Д. А.* Формирование химических способностей у учащихся / Д. А. Эпштейн // Вопр. психологии. — 1963. — № 6.

## К проблеме познания образа и проблемные ситуации его познания

*Гостев А. А.*

### Актуальные междисциплинарные проблемы изучения образной сферы человека

Вводится понятие образной сферы человека, охватывающее спектр взаимосвязанных классов вторичных образов. Это задает новый уровень осмысления образного опыта во внутреннем мире личности. На основе понятия образной сферы человека и с опорой на междисциплинарные знания по теме рассмотрены проблемы сознания/неосознаваемого, самопознания, резервных возможностей психики, онтологического статуса образов, социального восприятия и др. Вводится также понятие о трансляционной функции образной сферы, ответственной за контакт субъекта с внешней действительностью и собственным внутренним миром в их единстве. Рассматриваются иллюстрации данной функции, в том числе на культурологическом материале, роль образов в понимании духовных смыслов, в самопознании, личностном и духовном развитии.

*Ключевые слова:* образная сфера человека, сознание/неосознаваемое, самопознание, трансляционная функция образной сферы.

Нет необходимости доказывать актуальность темы, ибо современный мир в качестве главных задач психологической науки все настоятельнее выдвигает исследование «тайн человеческой души» и духовных возможностей человека. А это предполагает углубление изучения внутреннего мира личности и приводит к исследованию основных форм, в которых человеку представлены и объективная действительность, и его субъективность. Одной из таких форм выступают многоликие *образные явления* — *образы долговременной и кратковременной памяти, представления о мире и самом себе, воображения/фантазии, сновидения и пр.* Будем говорить о спектре классов «внутренних образов», *переживаемых в отсутствие непосредственно воздействующего физического стимула в качестве прообраза*, т. е. об образах, не привязанных к непосредственному воздействию на человека окружающей материальной среды. Термин *вторичный образ* примем как обобщающий.

В психологической науке вторичные образы связываются с *уровнем представлений*, которые являются переходным звеном от восприятия к высшим психическим процессам (Б. Г. Ананьев, Б. Ф. Ломов и др.). Сформированный в единстве восприятия, мышления и речи образ-представление рассматривается как качественно новая ступень познания. Уникальность и универсальность роли «внутренней образности» включает ее во все области психологического знания<sup>1</sup>. Изучение образов приобретает огромное значение для решения теоретических проблем психологической науки: целостного понимания психики и резервных ее возможностей, механизмов сознания/неосознаваемого, соотношения чувственного и понятийного в психике, ее полифункциональности, семиотической организации мировосприятия (В. Ф. Петренко), онтологии образа и т. д.

Познавательная и регулятивная сила «внутренней образности» понятны: образы являются самым древним языком психики, связанным с допонятийным мышлением, и в онтогенезе до овладения речью опыт ребенка «записывается» в образной форме. Поэтому образы выступают «мостиками» в хранилища опыта, куда нет доступа понятийному познанию, и с этого глубинного уровня формируют «программы-матрицы», участвующие в психической регуляции, влияющие на действительность.

<sup>1</sup> Хотя в отечественной и в западной психологии образы и «изгонялись и возвращались».

Невозможно назвать область человеческой жизнедеятельности, где не функционировали бы вторичные образы. Психология традиционно подчеркивала их значение в познании, в научном и художественном творчестве. Роль образов обобщенно определяется тем, что они, произвольно и непроизвольно перемещаясь своим содержанием в пространстве и времени, репрезентируют в сознании/неосознаваемом (включая «сверхсознательные сферы») отсутствующий стимул-объект-прообраз в ситуации взаимодействия человека с миром — «здесь и теперь». В то же время приходится с определенной долей удивления констатировать, что, несмотря на теоретическую и практическую значимость изучения вторичных образов, на внимание к ним разных областей психологии, мы по-прежнему видим неполноту, фрагментарность, неоднозначность знания об этом предмете.

### Понятие об образной сфере человека

Для осмысления *многообразия образного опыта* введем понятие о совокупности-спектре вторичных образов различных классов — об *образной сфере человека* (ОСЧ или просто ОС) как важнейшем компоненте его внутреннего мира. ОСЧ описывает совокупность взаимосвязанных классов вторичных образов и, соответственно, многообразие образного опыта человека. В ОСЧ вторичные образы представляют собой элементы, имеющие структуру, систему функций, особенности развития. ОСЧ-понятие задает представление о более высоком уровне целостности вторичных образов, включенных в психику, что позволяет рассматривать нечто общее в структуре и функционировании «внутренней образности». ОСЧ рассматривается в нескольких аспектах: 1) как *классификация/систематика* образных феноменов; 2) как множество вторичных образов, которые могут быть пережиты *конкретным* человеком; 3) как множество форм *потенциального* образного опыта, который может быть представлен в сознании Homo sapiens. *В целом же ОСЧ понимается как многомерная, многоуровневая динамическая подсистема психики, «элементы-образы» которой выполняют специфические функции в психическом отражении-регулировании относительно внешней действительности и внутреннего мира личности в соответствии с жизненными обстоятельствами.*

В исследованиях ОСЧ необходимо изучение: 1) состава/структуры — совокупности основных классов вторичных образов и характера их взаимосвязи; 2) характеристик — общих и частных, присущих конкретным классам вторичных образов и ОСЧ в целом. Предложенные варианты классификационных схем излагались в работах различных авторов [1; 3; 4; 8]. Поэтому отметим лишь то, что множество классов и подклассов вторичных образов может быть описано кольцевой структурой, демонстрирующей связь образов с явлениями сознания/неосознаваемого. Классы вторичных образов нашли свое место в соответствии с психологическим (память, внимание) и общенаучным (пространство — время — энергия — информация) базисами (В. А. Ганзен). ОСЧ представлена как система, состоящая из классов и подклассов, упорядоченных в соответствии с условными уровнями активации сознания<sup>1</sup> и замкнутых в «кольцо» (этим показана невозможность изъятия его элементов). Основные классы образов дают целостное представление об ОСЧ-феноменологии, предполагая духовно-нравственные потенции человека. Систематика допускает свою конкретизацию по набору оснований: подклассы образов в секторах «кольца» могут быть типологизированы по параметрам «продуктивность — репродуктивность» и «произвольность — непроизвольность», субъективная локализация и чувство реалистичности образа, факторы порождения образов, содержания образа — «реально-бытийного» и «виртуально-инойбытийного». Описание же индивидуального сознания [1; 9] дает дополнительные «феноменологические кирпичики» для экзотического образного опыта. И это значимо, ибо психология мало знает об образах особых (измененных) состоя-

<sup>1</sup> Отметим, что вторичные образы — единицы потока сознания, а состояния сознания детерминируют образный опыт.

ний сознания, которые важны в связи с осмыслением механизмов глубинных/надличностных субъективных реальностей. «Белым пятном», например, являются образы, связанные с религиозно-мистическими переживаниями. Изучение латентных функций образов особых состояний сознания поможет ответить на значимый вопрос теории психического отражения-регулирования: для чего нужно потенциальное многообразие классов вторичных образов?

Раскрытие понятия ОСЧ предполагает описание характеристик *вторичного образа* в каждом его классе (в связи с процедурами измерения), определение дублирования и взаимодополняемости измерений «внутренней образности», разведение общих и частных параметров, соотнесение их с сенсорной, эмоциональной и двигательной сторонами психики. Необходимы также: 1) систематизация в наборе *исходных* характеристик, описывающих конкретный класс вторичного образа; 2) определение набора *интегральных* характеристик «образности»; таковыми являются «яркость-четкость-ясность», «контролируемость» (аспекты мысленного оперирования образами), «подвижность» вторичных образов (скорость формирования образов, их смены в сознании); 3) определение *соотношения* интегральных и парциальных характеристик [2; 8; 9].

Наши исследования подтвердили сложный характер функциональной нагрузки параметров ОСЧ, что подчеркивает значимость *дифференциально-психологического подхода* к ней, связанного с анализом вклада, который индивидуальные особенности в ОСЧ-параметрах вносят в обеспечение конкретных проявлений жизнедеятельности человека. Подчеркнем значимость изучения взаимной детерминации интегральной картины мира и конкретных образов. Индивидуальные ОСЧ-особенности приводят к различиям в «мире образов». Влияние конкретных образов на картину мира иллюстрируется религиозным опытом: переживания возникающих образов трансформируют представления о мире.

### Феноменологическо-герменевтический подход

Трудности в изучении ОСЧ во многом определяются отсутствием синтеза естественно-научной и гуманитарной основ психологии, который более легко выводил бы проблему в междисциплинарный контекст. Поэтому мы сосредоточили свой интерес на феноменологической «развертке» ОСЧ — формах субъективной репрезентации окружающей реальности и внутреннего мира, закономерностях актуализации глубинного образного опыта, латентного для «повседневного осознания». Недостаточность знаний об этом подчеркивает роль описательных методов. С позиций *феноменологическо-герменевтического подхода* (ФГП) к ОСЧ [7; 8] образный опыт человека рассматривается как «личность», которую он призван понимать; элементы этого опыта, рассматриваемые как «субличности-персонажи», также объект понимания. ФГП основывается на принципах «понимающей психологии» и изучает не только *переживание и познание* человеком «образных посланий», но и *роль феноменологии* субъективной репрезентации окружающей реальности и содержания внутреннего мира в психическом отражении-регулировании. Большое внимание уделяется *закономерностям актуализации глубинного психического опыта, скрытого для «повседневного осознания»*, а также значению угадывания смысла образного послания, доверию ему человека.

Переживание образов в потоке сознания выступает важнейшим фактором актуализации материала, неявного для «повседневных состояний сознания» и понимания «образного события». Спокойствие или тревога, радость или печаль от «внутренних созерцаний» влияют на осмысление образного опыта — в переживании образа нечто может угадываться. Значимость переживания содержания образа подтверждается трудностями перевода внутреннего опыта в понятийные структуры (а порой и принципиальной невыразимостью в словах). ОСЧ же способна транслировать духовные смыслы в тончайших нюансах, невыразимых словами. Оценивание образа происходит на

основе таких значений понятия переживания, как «вчувствование», «сложное эмоциональное ощущение» (Л. В. Куликов).

ФГП подходит к фактологии ОСЧ как к элементу объективной реальности: внутренний мир человека есть одновременное выражение субъекта и отражение объекта. ОСЧ способна образно-символически отражать Реальность, идеально представленную в человеке<sup>1</sup>, — *в нас присутствует все мироздание*. Феноменологическая развертка ОСЧ конкретизирует это положение, ибо образный опыт может показывать результаты взаимодействия человека с миром (физическим и метафизическим) и самим собой.

То, что образ *открывается, переживается, интуитивно понимается*, сближает психологическую науку с другими областями человекознания. Отражение, в частности, духовных измерений связано с искусством, культурологией, философским наследием человечества, теологией. Данные области познания подтверждают, что ОСЧ способна отражать: а) духовно-нравственные смыслы и ценности философско-мировоззренческого порядка; б) неявные на уровне обыденного сознания аспекты окружающего мира природы и общества; в) метафизические реалии и пр. Так, ОСЧ отражает устремленность человека к абсолютному, «надмирному» в трансперсональном опыте, прототипический алфавит группового сознания/бессознательного, религиозно-мифологический символизм культурных традиций, видения, воспринимаемые как откровения о высшем идеальном бытии. *Изучение духовно-психологических эффектов от переживания такой феноменологии* является актуальной задачей психологии.

ФГП предполагает анализ того, что представляет собой образ как событие внутреннего мира и как он переживается и понимается человеком *как некая сущность*. Это обеспечивает анализ образного явления как имеющего самоценностное бытие. *Гносеологический и праксеологический* аспекты онтологии ОСЧ в комментариях не нуждаются. Но вторичный образ должен рассматриваться в плане аксиологического аспекта — переживания ценностных отношений, участвующих в регуляции жизнедеятельности человека. Вторичный образ — это «оттиск», фиксирующий отношения субъекта (П. Н. Шихирев). *Морфологический* аспект проясняется универсальностью предметно-пространственных характеристик вторичных образов: образ является некой сквозной реальностью «мысленного экрана».

### Трансляционная функция образной сферы

Функция ОСЧ, ответственная за отражение-регулирование в процессе контакта человека со своим внутренним миром, и через него — с Реальностью/мирозданием в многообразии и единстве ее измерений, получила название *трансляционной функции* (ТФ/ТФОС). ТФОС через образно-символический язык соединяет различные измерения внутреннего мира человека, связывает его с действительностью — с физической реальностью и метафизическим бытием. ТФОС выражает контакт человека с наиболее скрытыми областями внутреннего мира, с мирозданием в единстве внешних и внутренних, реальных и идеальных его измерений, в том числе параметров окружающего мира, неявных для «повседневного состояния сознания». Тем самым ТФОС выступает особым психологическим инструментом познания и самопознания, в частности связанным с отражением нравственно-духовных измерений. ТФОС раскрывает полифункциональность психического образа, выступая одним из высших уровней психической саморегуляции, предполагающей развитие духовно-нравственного потенциала человека; речь идет о неких *возможностях* ОСЧ в познании мира. Неосознаваемые сферы внутреннего мира личности, выходящие за рамки ее индивидуального опыта, размыкающиеся на области трансцендентного, выражают себя именно на языке образов. Соответственно большую роль в понимании ТФОС играют образы особых состояний сознания — потенциальных «окон» в глубинные слои внут-

<sup>1</sup> Из отечественных психологов о данной древней идее «микрокосм — макрокосм» писали, например, Б. Г. Ананьев, В. А. Ганзен, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, В. И. Слободчиков, В. А. Сухарев.

ренного мира человека. ТФОС рассматривается в единстве с созидательной силой образа: познание мировоззренческих и высших духовных смыслов претворяется в жизни человека.

ТФОС связана с «перенесением в сознание» (переводом в «пространство переживаний») субъекта некоей латентной информации о мире и самом себе. Термин «трансляционность» выражает идею «показа» субъекту образов на некоем «внутреннем экране» и переживания их содержания. Познание-трансляция и переживание его содержания в образе, естественно, не тождественны. ТФОС охватывает всю феноменологию образного опыта человека — вторичные образы различных классов определяют особенности *перенесения* материала в сознание. Изучение ТФОС предполагает связь человека с «невидимым духовным миром». Именно в этом плане остро ощущается сложность вопроса соединения академической науки и иных форм познания. Поскольку ТФОС несет «откровения из незримого мира» (в частности, в мистическом опыте), возникает очевидный вопрос: а достаточно ли в психологии понимания природы духовности, понимания человеком метафизических действий в мире? Ведь даже феноменология духовных переживаний изучена не до конца. Осмысление феноменологии ТФОС обогащает понимание роли ОСЧ в познании нравственно-духовных смыслов. Через это же психология сближается с областями человекознания, также ориентированными на изучение нравственно-духовных измерений бытия. Психологии желательно стать более открытой для обсуждения материала, накопленного в философии, культурологии, теологии и пр., стараться активнее преодолевать узкосциентистские границы. Принцип методологической дополнителности (А. В. Юревич) позволяет считать ТФОС областью *потенциального осмысления*<sup>1</sup>.

Раскрытие ТФОС предполагает вопрос об источнике религиозно-мистического опыта и отражения в нем духовного бытия<sup>2</sup>. Какова природа реальности, открывающейся людям в религиозно-мистических переживаниях? Что стоит за «созерцаниями внутреннего зрения»? С опорой на мировое религиозно-философское наследие были обозначены три варианта подхода к проблеме.

1. Предметом изучения выступает феноменология образа; цель выяснять природу прообраза не ставится.
2. Образ понимается как выход сознания человека в неизвестные академической психологии сферы бытия; источник содержания образа выступает гипотетическим онтологическим конструктом, требующим осмысления без выяснения его субстанциональной природы.
3. Прообразы переживаний допускаются в виде объективного существования «невидимого духовного мира». Это означает, что образ при определенных условиях выступает своеобразной его «перцепцией-символом».

Но каковы критерии отграничения этих «созерцаний метафизической реальности»? Актуальным поэтому становится осмысление искажений в духовном познании («псевдооткровений» через ОСЧ), чреватых «психодуховно-нравственной поврежденностью».

### Феноменология ТФОС

Для секулярной психологии актуально знакомство с областями феноменологии ТФОС (о них подробно см.: [6; 9]). Отметим здесь лишь следующее. Проявлением ТФОС выступает *воображение*, рассматриваемое как *особое отражение/изображение духовного мира*. Еще в Античности *phantasia* понималась как орган, которым «божественный мир» разговаривал с человеком. Воображение как выражение идеальных ценностей, восприятие идеального мира (В. П. Вышеславцев) проявляется при осмыслении философско-богословских текстов — у человека может возникнуть ассоциативный образный опыт.

<sup>1</sup> Область «потенциального» в науке существует всегда, поскольку этим задается «зона развития» познания.

<sup>2</sup> Здесь предстоят, в частности, междисциплинарные изыскания в связи с расширением понимания системы памяти (с ее подсистемами, выходящими за рамки онтогенеза).



Иллюстрацией ТФОС выступает также опыт религиозно-мистических традиций различных культур, которые говорят об особом психологическом механизме «созерцания скрытых измерений реальности» — неявных аспектов пространственно-временного мира физической реальности, мира «инобытийного» (например, «божественных», «демонических» сфер). Следует вспомнить и о спонтанном визионерском опыте, и об изображениях «невидимого мира» в творчестве художников (Чюрленис, Дали); отдельной темой является иконопись. Можно говорить о полимодальном опыте: музыкой «небесных сфер» многим представляется, например, литургическое пение, творчество Баха.

Областью феноменологии ТФОС является познание/самопознание через трансперсональный (надындивидуальный) опыт. Трансперсональная психология (как бы к ней скептически ни относилась академическая психология) через используемые психотехники (духовные практики) демонстрирует роль образного опыта не только как языка общения человека со своим многослойно-многомерным внутренним миром, но и как средства считывания информации из Реальности — как отражения физических характеристик микро- и макромира, так и метафизических измерений бытия (Гроф, Криппнер, Минделл, Харнер и др.). Образы измененных состояний сознания отражают при этом сложную физикиобиосоциодуховную природу человека, связанную с потенциальными возможностями психики. Это позволяет выделять в ТФОС такие аспекты, как раздвижение рамок мировосприятия, особая роль в творчестве, переживание нравственных ценностей и посмертных состояний.

Источником уникальной феноменологии ТФОС является православно-христианская традиция, показавшая специфику подхода к изучению когнитивных и регулятивных возможностей ОСЧ. Поскольку речь идет об основной отечественной духовной традиции, остановимся на ней подробнее. Мы подходим к православно-христианской традиции как «зеркалу-призме», через которую пропущен материал об ОСЧ [6; 9]. В этом «концептуальном зеркале» мы видим новые нюансы в проблематике ОСЧ. Дается «изображение проблемы», отличающееся не только от привычного в психологии (и это естественно при игнорировании ею метафизических аспектов психологии ОСЧ), но и от данных других религиозных и духовно-философских подходов. «Святоотеческое зеркало» помогает «пути из Зазеркалья» к восхождению на «духовную вертикаль». Традиция свидетельствует о неоднозначном проявлении ОСЧ в духовной жизни [6; 9]. С одной стороны, «сфера божественного» может предстать в символах-образах, и через них человек способен восходить к «горным первообразам». Выделены группы образных явлений — «посланцев горного мира»: предупреждение, разъяснение проблем, советы, «небесная помощь» в исцелении и т. д. С другой стороны, общая установка традиции заключается в осторожном отношении к образам с их предметностью *этого* мира и особенно к роли ОСЧ в переживании и понимании духовных смыслов. Эта позиция выступает примером «конструктивной щепетильности» в подходе к теме. Ориентация на «чистоту ума» от образов определяется тем, что ОСЧ связана с областью страстей, в силу чего образы могут стать проводниками разрушительных для человека влияний. Красной нитью проходит мысль, что в представлениях о мире и самом себе, в образах памяти и воображения, в снах и других образных феноменах отражаются грани «искаженного человека» вместе с различными влияниями на него — от физических до метафизических. Традиция раскрывает когнитивные, эмоциональные искажения в развитии и религиозном опыте личности (с поведенческой неадекватностью) как следствие воздействия образов. Образы поэтому не должны сопровождать молитву. «Божественные картинки» мешают духовному развитию неадекватностью, возможностью эмоциональной экзальтации и привязки к этим состояниям. В этой связи введено понятие «прелесть» — извращенное состояние нравственной и религиозной жизни, самообмана, при котором человек утрачивает способность адекватно воспринимать мир и себя и свои фантазии принимает за действие божественных сил (порождаются иллюзии обладания «духовными

дарованиями»). Понятие прельщения в этом плане вскрывает сущность ложной духовности — самообмана относительно своего совершенства (лесть себе), при котором человек свое возбужденное состояние принимает за действие благодати и мнит себя созерцателем «божественных тайн», хотя на самом деле лишь «фантазирует о высоком». Прельщение возникает во взаимодействии факторов *внутренних* («фантазии о небесном», ожидание «божественных состояний», неадекватная самооценка) и *внешних* (социальное окружение, энергоинформационная среда, метафизические воздействия).

При духовном прельщении теряется способность сознавать заблуждение: образ кажется «святым». *Различение* прелести поэтому рассматривается святыми отцами как тончайшая внутренняя работа, позволяющая отличать божественные видения от фантазий и от образов отрицательной метафизической природы. Для этого необходима нравственно-духовная чистота, без которой образное сопровождение «богоискания» является иллюзией. Поэтому «божественные видения» необходимо отличать от визионерского опыта при ложно выстроенной религиозности — душевной болезни, при которой человек входит в общение с силами зла.

Отношение святоотеческой традиции к мистическим откровениям выступает полезным знанием о полифункциональности ОСЧ, свидетельствует об опасностях повреждений внутреннего мира личности, раскрывает экологию «невидимого духовного мира», уменьшает «духовную слепоту» по отношению к нравственным ориентирам. Знание феномена прельщения является полезным при оценке духовно-психологического статуса мистического опыта, при сравнительном анализе духовного опыта в христианских конфессиях: реконструкция его инвариантов дает критерий, подтверждающий правомерность критических замечаний традиции в адрес стимуляции религиозно-молитвенной экзальтации. *Различение* состояния «прелести», отношение традиции к «визионерству», мистическим откровениям и пр. не только выступает той недостающей областью знания о ТФОС, но и свидетельствует об опасностях, затуманенных, приглушенных в других традициях.

Отдельная тема — отражение в образах «темы смерти». Православная традиция, раскрывая грани проблемы, отсутствующие в моделях, основанных на опыте клинической смерти, оккультных теориях, корректирует псевдонаучные изыскания «загробных состояний». Эти исследования после- и околосмертных состояний человека не используют святоотеческого предостережения о том, что образы «наслаждений от небесного», например, могут быть иллюзией, успокаивающей совесть человека. Современные описания посмертного опыта являются как бы пребыванием «в прихожей смерти», из которой возможно вернуться.

### **ОСЧ в развитии личности**

Личностные особенности являются неотъемлемыми характеристиками ОСЧ. При нашем подходе «персонификация ОС» рассматривается как *интегральная характеристика личности*. Сказанное о ТФОС делает понятным, почему ОСЧ является признанным в психологии (психотерапии) инструментом, помогающим раскрывать внутренний мир личности. Образы хранят и забытую душевную травму, и память о чем-то полезном, и поддерживающую оптимизм мечту и т. д. Использование «внутренней образности» подсказывает корни проблем, причины конфликтов, расширяет видение мира, рождает идеи, помогает найти выход из трудных жизненных ситуаций, просматривать варианты в ситуации выбора, лучше понимать других, представляя их внутренний мир. Образы помогают осваивать и содержание группового сознания. ОСЧ также средство многоуровневой саморегуляции и самоизменения, помогающее не только осознать, но и формировать личностные и профессиональные качества.

Раскрытие «персонификации ОСЧ» многопланово [5; 8; 9]. В частности, оно предполагает изучение взаимосвязи личностных характеристик и пока-

зателей собственно «образности». Мы говорим, в частности, о многоуровневой трехмерно-многомерной модели «имажинативного пространства», задаваемого соотношением *невротической погруженности* в образный опыт, *конструктивного использования* образов для решения проблем и саморегуляции, *экзотичности* образного опыта. Каждый из факторов многомерен по параметрам — и личностных показателей, и ОСЧ-особенностей (характеристики образов как процесса и результата).

Следующим важным аспектом раскрытия «персонификации ОС» является осознание и понимание образного опыта при различных вариантах взаимодействия потока образов в сознании и защитных механизмов, препятствующих переводу в осознаваемый образ некой информации. В частности, значимо изучение двойственности психологической защиты: ее «положительно-охранительной» (от информации в данный момент не полезной человеку) и «негативно-маскирующей» (сокрытие полезного образного опыта) роли в процессах порождения, осознания и понимания образного опыта. Подлежит коррекции взгляд на редуцирование отрицательных эмоций в компромиссных и замещающих образах. Образы способны маскировать значимый для самопознания внутренний конфликт человека, поднимая общий уровень тревожности или усиливая эмоциональное напряжение посредством, например, порождения агрессии. Мы ставим также вопрос о содержании «бегства от жестокой действительности» в фантазии — и как невротической реакции, и как выражения нежелания участия человека в «суете сует» и безнравственности «мира сего».

Для развития ФГП необходимо усиление системных представлений об источниках образного опыта. На примере сновидений выделены взаимодействующие *блоки, компоненты, уровни и подуровни* анализа [7; 8], порождающие конкретные сны. Например, это блоки: *отражение в сновидении физической среды* (внешней и внутренней), *многоуровневая личностная и внеличностная детерминация сновидений, внесенсорная детерминированность сновидений* (в снах отражаются события при получении о них информации вне сенсорного диапазона и рационального знания). Выделенные взаимодействующие блоки, уровни и подуровни анализа проблемы способствуют изучению механизмов порождения сновидений. Использование междисциплинарных и культурологических данных помогает этому. Так, опора же на святоотеческий подход к ОСЧ вводит ограничения на толкования снов мистического содержания.

Следующий план анализа темы «персонификации ОСЧ» — теоретические и прикладные проблемы работы с образной сферой (имагопрактика) [5; 7; 8]. Известно, что все психокоррекционные направления используют образный опыт (различаются особенности апелляции к нему). Мы видим, что в психокоррекционной практике, школах личностного роста к использованию силы ОСЧ для улучшения саморегуляции, углубления самопознания, изменений в жизни и т. п. внимание возрастает. Все громче звучит совет строить «образы-мостики» к неосознаваемым сферам (включая «надсознательное»), просматривать образы и корректировать их. *Но все ли так просто и безопасно для человека?*

Отметим, прежде всего, отсутствие унифицированной системы имагопрактики на основе исследования дублирования и взаимодополняемости, рамок применимости, достоинств, психодиагностической и психокоррекционной силы существующих вариантов. Но для нас более важно то, что технология работы с ОСЧ недостаточно осмыслена с духовно-нравственных и философско-мировоззренческих позиций. Наш подход подчеркивает значение этих аспектов имагопрактики в теоретическом и практическом плане. Работу с ОСЧ мы рассматриваем в контексте развития человека в связи с особенностями переживания им духовных измерений бытия. Именно *усиление нравственного аспекта* использования образного опыта позволяет искать компромисс между признанными положительными моментами работы с ОСЧ (без образов невозможно отражение мира в его многообразии, невозможна жизнедеятельность людей и т. д.) и известными (хотя и менее) ее опасностями — образы могут быть бесполезны для человека; над его душой могут властвовать образы



гневливые, похотливые, вводящие или в уныние, или в «возбужденный оптимизм». Эта известная традиционной психологии двойственность «внутренней образности» хорошо видна при работе через ОСЧ с тематикой самоуважения, самоактуализации; открытости к изменению «картины мира»; преодоления «внутреннего негатива»; понимания целей/потребностей/желаний. Для помощи в имагопрактике в этой связи — для понимания образов, защиты от дезинформации и иллюзий, а также от отрицательных через образы влияний — мы подчеркиваем значение опоры на «высшее Я» человека.

Отметим принцип *единства отражательной и регулирующей функций* ОСЧ, подчеркивающий, что образы способны материализоваться и что они не могут не влиять на мир — внутренний и внешний. Наполняясь материалом личного опыта и многоуровневым содержанием группового сознания, ОСЧ связана и с планетарно-регионально-локальной информационной, и с метафизической экологией. Иными словами, регулирующая функция заложена в образе неотъемлемо, и это помогает понять образы как программы для произвольного и непроизвольного изменения существующих обстоятельств и самого себя. Эта творящая сила ОСЧ может быть описана метафорой «магии воображения». Но подчеркнем, что «неосознаваемое колдовство» в работе с ОСЧ может быть вовсе не метафорой, а реальным воздействием отрицательных сил (физических и метафизических). Поэтому необходимо дополнительное внимание психологии к феномену созидательной/программирующей силы ОСЧ, которая может быть использована в магическом воздействии — на людей и действительность<sup>1</sup>.

Итак, с одной стороны, мы видим, что вторичные образы способны быть для человека помощью на путях глубинного самопознания, инструментом для вхождения в различные субъективно и объективно *позитивные* состояния, «возогревающие» и как-то оформляющие религиозное чувство. С другой стороны, есть ясное указание на наличие «подводных камней» в глубинном самопознании с использованием ОСЧ. Обобщенно (опираясь, например, на экспертное мнение А. Минделла, на уже известный нам святоотеческий подход к ОСЧ) суть предостережения можно свести к тому, что нельзя застревать в образах, придавать содержанию образов излишний проективный смысл, некритично доверять видениям и т. п. Понимание этой двойственности можно углубить при осмыслении образного оформления религиозно-мистического опыта человека.

Особое внимание наш подход уделяет рассмотрению роли образов в особых состояниях сознания. Трансперсональная психология, например, говорит, что моделирование таких состояний играет позитивную роль в личностном развитии (человек, в частности, переживает растворение своих эго-границ, что помогает преодолевать внутреннюю раздробленность). В то же время есть то, что требует изучения: в измененных состояниях сознания человек включен во взаимодействие с реальными, еще не рассматриваемыми наукой, однако известными из тысячелетнего опыта религиозно-мистических традиций. В картографии «потенциального сознания» существуют пространства, попадание в которые (например, при эмоционально-катарсическом отреагировании в них) имеет отрицательные последствия — опыт застревания в острых травматичных переживаниях. Необходимо понимание того (хотя бы на гипотетическом уровне), что в этих сферах человек встречается с силами, способными принести вред, в частности с силами, замаскированными под «энергию самоактуализации» или «причастности к божественному». Поэтому необходим поиск средств, обеспечивающих «нравственно-духовную безопасность», в рамках которой человек может избежать попадания в иллюзии и искажения духовных смыслов. Необходимо определение рамок в использовании образного опыта как фактора личностного роста в зависимости от индивидуальных особенностей человека, от выбранного им духовного пути, от принадлежности к культурной традиции. Но в любом случае будет полезным учесть знания о феномене и закономерностях прельщения,

<sup>1</sup> «Магия воображения» подпадает под определение «чародейства», запрещенного в Ветхом и Новом Заветах.

которые помогают осмысливать психологический и духовный статус образов особых состояний сознания.

### Несколько слов о социальных представлениях

ОСЧ включает и *социальные представления*. Наш подход заостряет вопрос манипулирования социальным восприятием: человек живет в имагосимволосфере, порожденной СМИ, рекламой, киноvideопродукцией, интернетизацией и т. д. и «обволакивающей» человека образами, которые вползают в его внутренний мир, а потом «материализуются» в общественной жизни. В имагосимволосфере происходит «война образов» различной семантики: способствующей духовно-нравственному развитию личности и деструктивной, рождающей негативные изменения в людях, затрудняющие проявление истинной свободы нравственного самоопределения. «Война образов», однако, недостаточно осознается в психологической науке (как и на уровне быденного сознания). Недостаточно известны и закономерности взаимодействия с новой реальностью информационного мира.

Мы также подчеркиваем актуальность изучения представлений людей о «глобальной перестройке» мира. Ведь сила материализации образов подтверждает, что они формируют будущее. Но многие представления по теме игнорируются в исследованиях. Интересно, например, изучение представлений людей о *духовной* сущности происходящего в мире, о субъективном факторе «нового мироустройства», в частности о структуре наднациональной элиты, стремящейся воплотить свое видение мира как элитарной глобальной иерархии. Но манипулирование социальным восприятием маскирует идею данного проекта — отказ от справедливого общечеловеческого будущего. Представления людей о глобализации недостаточно отражают и вопрос сохранения уникальности культурного разнообразия человечества, а также альтернативных форм его объединения — в многополярном мире.

Еще одной важной темой является виртуализация внутреннего мира человека. ОСЧ не должна обслуживать ее. Мы подчеркиваем значимость изучения психологических эффектов образов виртуальных реальностей, максимальным выражением которых выступает иллюзорная картина мира, замещающая образы объективной реальности. Стремление человека в виртуальность поэтому рождает подмены в духовно-нравственном познании.

\*\*\*

Итак, изучение ОСЧ является необходимым направлением исследования внутреннего мира человека, осмысления глубинных механизмов переживания и понимания им духовных смыслов. Искажение духовного познания мы рассматриваем как «болезнь», угрожающую и людям и мировоззрениям. Предохранение от «болезни» начинается с осознания ее в себе, причастности к групповым ее проявлениям. ОСЧ способна помогать «трезвенному созерцанию» реальности.

Знание об ОСЧ полезно для решения теоретических проблем в различных областях психологии, прежде всего в общей и социальной психологии и психологии личности. Мы указали на необходимость большего внимания к образному сопровождению духовно-нравственных переживаний и к вопросу о рамках использования ОСЧ в личностном развитии. Подчеркнуто: чем выше уровень духовного познания, тем шире и богаче образная сфера человека, но тем большая его ответственность.

Главное направление исследований ОСЧ видится в определении возможностей и ограничений ТФОС. Мы *говорим о том, что ОСЧ и ее элементы — вторичные образы различных классов — можно гипотетически понимать как «окна» в неявные, невидимые аспекты Реальности — объективной, идеально представленной в человеке, и субъективной. Однако смотреть в эти «окна» в целях познания мира, самопознания следует очень осторожно, понимая факт искажения видения и опасности самого «смотрения*». Вместе с тем эти «окна»

существуют и при определенных условиях открываются. Главное для этого условие — достижение нравственной чистоты. В целом же необходимо ответить на вопрос: когда и почему ОСЧ перестает быть полезной для развития личности, где она становится ловушкой, генератором иллюзий? Для ответа на данный вопрос нужны критерии, указывающие на духовные прелращения, но которые были бы приняты как момент, общий для исследователей духовного познания (об иллюзорности в познании мира говорят многие философско-религиозные традиции).

Определение возможностей и ограничений ТФОС — дело будущих междисциплинарных исследований. В данном случае важно говорить о новых перспективах для академической психологии. Но сегодня для психологии важно уже само появление острых вопросов. Разрабатываемый подход к ОСЧ ориентирует на поиск альтернатив сциентистским подходам к внутреннему миру человека.

The concept of the «world of human imagery» is introduced. The concept is covering spectrum of the interconnected classes of so called «secondary images». Considering the number of different types of imagery as a whole, specifies a new level of understanding of imagery experience in the inner world of a person. In connection with the concept and using the relevant interdisciplinary knowledge, the problems of consciousness/unconsciousness, self-knowledge, potential opportunities of psychic/mentality, ontological status of imagery, social perception etc. are considered. Another concept — the «transmitting function of imagery», responsible for contacts of a person with the external and his/her own inner world in their unity is also introduced. The illustrations of this function, including culturological material, a role of images in understanding of spiritual senses/meanings, in self-knowledge, in personal and spiritual development are considered.

**Keywords:** world of human imagery, consciousness/unconsciousness, self-knowledge, transmitting function of imagery.

## Литература

1. Ганзен, В. А. Системное описание индивидуального сознания / В. А. Ганзен, А. А. Гостев // Эволюция сознания в разрешении глобальных конфликтов. — М., 1993. — С. 110—120.
2. Гостев, А. А. Измерение и факторизация характеристик вторичного образа / А. А. Гостев, Б. М. Петухов // Вопр. психологии. — 1987. — № 2. — С. 134—141.
3. Гостев, А. А. Психология образной сферы человека / А. А. Гостев. — М.: ИП РАН, 1992.
4. Гостев, А. А. Эволюция сознания в разрешении глобальных конфликтов / А. А. Гостев. — М., 1993.
5. Гостев, А. А. Дорога из Зазеркалья: психология развития образной сферы / А. А. Гостев. — М., 1998.
6. Гостев, А. А. Образная сфера человека в познании и переживании духовных смыслов / А. А. Гостев. — М., 2001.
7. Гостев, А. А. Психология вторичного образа (субъект, феноменология, функции): Дис. ... д-ра психол. наук / А. А. Гостев. — СПб.: СПбГУ, 2002.
8. Гостев, А. А. Психология вторичного образа / А. А. Гостев. — М.: ИП РАН, 2007.
9. Гостев, А. А. Психология и метафизика образной сферы человека / А. А. Гостев. — М.: ИП РАН, 2008.

## Дронова Т. А.

### Хронотопичность стиля мышления в контексте образа

В статье рассматривается хронотоп как фактор, оказывающий влияние на формирование стиля мышления.

**Ключевые слова:** хронотоп, стиль мышления, энергия, время, пространство, смысл.

В современной психологии **мышление** понимается как психический процесс *отражения* действительности и высшая форма творческой активности человека. Стиль мышления — это сугубо индивидуальная форма взаимодействия человека с действительностью. И естественно, в его формировании первоочередную роль играют наследственность, среда и активность индивида. Но среда не аморфна, она существует в определенном отрезке времени и представляет собой вполне конкретное пространство. И активность определяется не только наследственностью или средой, но и событиями, имевшими место в жизни человека. Поэтому одним из факторов формирования стиля мышления являются хронотопы. **Хронотоп** (от греч. *chronos* — время + *topos* — место; буквально «времяпространство») — психологический конструкт, образовавшийся в